

С. В. Полехов
РАНХиГС, Москва, Россия. sergey.polekhov@gmail.com

ПСКОВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЛИТОВСКОГО ВИТОВТА В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XV в.

В статье анализируются взаимоотношения великого князя литовского Витовта с Псковской республикой в 1398–1409 гг. Показано, что, несмотря на уступку Пскова как сферы интересов Тевтонскому ордену согласно Салинскому договору 1398 г., Витовт на протяжении первого десятилетия не оставлял попыток подчинения Пскова своей власти. Достичь этой цели великий князь литовский пытался как военными методами, так и при помощи дипломатии. На этой почве постепенно обострялись противоречия между Великим княжеством Литовским и его союзником – Тевтонским орденом. Интерес Витовта к Пскову сохранился и после войны с Тевтонским орденом 1409–1411 гг. В свою очередь, это способствовало все более тесному сближению Пскова с Великим княжеством Московским, которое началось в конце XIV в.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Витовт, международные отношения, Псков

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Говоря о начальном этапе восточной политики великого князя литовского Витовта, исследователи акцентируют внимание на таких «знаковых» событиях, как включение Смоленской земли в состав Великого княжества Литовского в 1395 г. и повторно в 1404 г., раздел сфер влияния в Северо-Западной Руси по Салинскому договору с Тевтонским орденом в 1398 г. и его подтверждение в Рацёнжке и Ковне в 1404 г.¹, сближение с ханом Тохтамышем и битва на р. Ворскле в 1399 г., война с Московским княжеством в 1406–1408 гг. В тени этих событий и попыток Витовта утвердиться в Новгороде остается политика литовского правителя по отношению к Пскову. Как правило, ученые ограничиваются констатацией уступки Пскова Витовтом Тевтонскому ордену в 1398 г., а действия Витовта по отношению к Псковской республике рассматривают как нечто маргинальное и второстепенное, через призму его «общерусской программы»² или верности обязательствам перед ливонскими союзниками. В последнем случае исследователи, как и Витовт, охотно «отдают» Псков Тевтонскому ордену³.

Такая историографическая ситуация вызвана сочетанием нескольких факторов. Во-первых, это односторонний отбор источников. Если отечественные исследователи отдают предпочтение русским летописям, уделяя меньше внимания иноземным свидетельствам,

¹ В русскоязычной литературе обычно утверждается, будто польско-литовско-орденский мир был заключен «в городе Рацёнже». По-видимому, это историографическая инерция неудачной интерпретации польского оборота «rokój rasiąski» (кажется, лишь П. Новак предлагал форму «rokój rasiążeski»). В действительности, переговоры проходили не в Рацёнже, находившемся в Мазовии, а неподалеку от замка куявского епископа в Рацёнжке близ орденского Торна (совр. Торунь), на противоположном берегу Вислы. Подробнее см.: [Nowak, 2002; Szweda, 2009, s. 209–210, 216–217, 368–371].

² Существование у великих князей литовских в XIV–XV вв. «общерусской программы» – сформулированной, последовательно и целенаправленно реализуемой – вызывает серьезные сомнения [Polechov]. Более правомерно говорить о направлениях литовской экспансии, определявшихся в каждый конкретный момент сочетанием ряда факторов – международных, внутривосточных, логистических и т. д.

³ Ограничусь лишь несколькими показательными примерами (их число можно умножить): [Казакова, с. 41–45; Nikodem, s. 226–242; Беспалов, 2016; Салмин, с. 160–169]. На этом фоне выделяется глава С. Шибковского в коллективном труде о войне Польши и Литвы с Тевтонским орденом 1409–1411 гг., где псковская политика Витовта представлена наиболее корректно [Józwiak, Kwiatowski, Szweda, Szybkowski, s. 35–41]. Гданьский историк справедливо отмечает стремление Витовта усилить свое влияние в Пскове вопреки договорам с Тевтонским орденом, но из сжатого изложения остается не вполне ясным, в какой момент оно обозначилось – в 1408 г. или ранее.

то польские ученые, напротив, шире привлекают немецко- и латиноязычные источники – корреспонденцию, польские и прусские исторические сочинения, расходные книги. Во-вторых, в литературе зачастую недостаточно полно учитываются факторы, влиявшие на действия акторов, такие как межгосударственные и межрегиональные отношения⁴. В-третьих, нередко общая картина не основывается на подробном анализе источников и описанных в них ситуаций, а как будто известна заранее. Это, на мой взгляд, полностью применимо к рассуждениям об «общерусской программе» Витовта: зачастую историки словно забывают о трудностях, с которыми сталкивался Витовт в реальных попытках достижения более скромных целей на конкретных направлениях в конце XIV в., что не могло не сказаться на постановке самих целей и формулировке задач его политики и методов их решения⁵. Необходимо иметь в виду, что эпоха Витовта стала «золотой осенью» активной восточной политики Литвы. Эта политика клонилась к закату, достигнув определенных пределов, связанных с проблемами организации далеких военных походов, а тем более подчинения новых территорий тем или иным путем. На смену модели обеспечения великого князя литовского, его окружения и войска за счет трофеев и военнопленных, добываемых в этих походах, приходила новая модель, основанная на раздаче земель за службу и их эксплуатации [Łowmiański]. В целом перед исследователем международных отношений в Восточной и Центральной Европе рассматриваемой эпохи стоит та же задача, о которой применительно к истории складывания Русского государства писал более ста лет назад А. Е. Пресняков: «Восстановить, по возможности, права источника и факта» [Пресняков, с. 11].

Даже при самом беглом взгляде на псковскую политику Витовта нельзя не заметить: походы литовских войск на Псков предшествовали войне с Московским княжеством и не прекратились после завершения военных действий против него. Уже этот факт – несомненный показатель важности псковского направления политики для литовского правителя. Задача настоящей статьи – проследить действия Витовта в отношении Пскова в первом десятилетии XV в. в контексте его внешней политики и межгосударственных отношений в Восточной Европе (последним по необходимости уделяется меньше внимания, тем более что различные их аспекты уже неоднократно рассматривались в литературе).

Познавательные возможности источниковой базы для изучения взаимоотношений Великого княжества Литовского с его соседями в конце XIV – начале XV в. еще далеко не исчерпаны. Оставляя в стороне нарративные источники, охотно привлекаемые историками, отмечу следующее. К числу важных задач принадлежит комплексный анализ переписки сановников Тевтонского ордена между собой, с правителями и сановниками соседних государств, сохранившейся в архиве великих (верховных) магистров Ордена в историческом Кёнигсбергском архиве (с начала 80-х гг. XX в. он хранится в Секретном государственном архиве Прусского культурного наследия в Берлине). Многие источники из этого ценнейшего собрания были введены в научный оборот еще в изданиях XIX–XX вв. Однако изучение материалов архива показывает, что и эти издания далеки от полноты. Сказанное относится даже к монументальному «Кодексу писем Витовта» (1882 г.): по признанию его публикатора Антония Прохаски, ему были доступны далеко не все материалы указанного периода,

⁴ В качестве примера ограничусь цитатой из недавней работы о военных действиях 1406 г.: «В октябре, когда еще значительные силы немцев были заняты в “русском походе”, псковичи напали на ливонские города Новый городок и Кирпигу, где нанесли немцам существенное поражение» [Беспалов, 2016, с. 161]. Под «немцами» имеются в виду в первом случае прусское, во втором – ливонское отделение (ветвь) Тевтонского ордена. Хотя они принадлежали к одной и той же орденской корпорации, их цели, интересы и возможности существенным образом различались [Götz; Kostrzak, s. 11–12], о чем применительно к их отношениям с ближайшими соседями речь пойдет ниже.

⁵ Примером могут служить рассуждения Ярослава Никодема: [Nikodem, s. 211–249].

поскольку во время его работы в Кёнигсберге данная часть архива как раз подвергалась систематизации⁶. Знакомство же с этими материалами показывает, что А. Прохаска отбирал источники для публикации по своему усмотрению, нередко произвольно, причем письма, которые повреждены или не содержат годовой даты, зачастую датировал неверно, приводил в регесте или не публиковал вовсе. А поскольку в начале XV в. год в латинских и немецких посланиях указывался далеко не всегда, то период примерно до начала второго десятилетия этого века освещен в его издании слабее всего⁷. Иногда же, чтобы установить или уточнить датировку того или иного письма, необходим комплексный анализ его содержания, почерка, филиграней, почтовых отметок.

Важный «осколок» архива великих магистров, до сих пор остающийся на периферии исследовательского внимания, – рукопись предположительно начала XVI в., ныне хранящаяся в Библиотеке им. Врублевских Академии наук Литвы в Вильнюсе⁸. Работу с ней затрудняют такие факторы, как небрежность почерка и языка (немецкого и латыни), а также плохая сохранность. Тем не менее уже на нынешнем этапе исследования из нее можно почерпнуть ценные, порой уникальные сведения о восточной политике Витовта.

Значимые для рассматриваемой темы сведения содержатся не только в орденовой, но и в ганзейской переписке⁹. Хотя ее авторов интересовали прежде всего купеческие дела, в ней все же нашли отражение политические и военные аспекты жизни Восточной Европы, которые влияли на торговлю.

Наконец, особого внимания, на мой взгляд, заслуживают несколько малоизвестных источников начала XV в. Имеются в виду четыре послания польского короля Владислава II Ягайла, сохранившиеся в формулярнике тридентского епископа Александра (1423–1444 гг.), сына мазовецкого князя Семовита IV (1381–1426 гг.). Их краткая характеристика давалась мною ранее [Полехов, 2017]. В контексте настоящей статьи наибольший интерес представляют два письма, одно из которых было написано поздней осенью 1406 г., другое – осенью 1408 г.¹⁰ Последнее адресовано, по всей видимости, великому магистру Тевтонского ордена, которым тогда был Ульрих фон Юнгинген. По словам короля, Витовт заключил перемирие с великим князем московским, утвержденное целованием креста в субботу на следующий день после праздника Св. Креста (то есть Воздвижения Креста Господня) – 15 сентября 1408 г. Также Ягайло сообщал, что Василий уступил Витовту все спорные земли, тот уже вернулся в Вильну, а его «баронам» еще предстоит вернуться.

Историки Восточной Европы, к сожалению, обратили очень мало внимания на источники из тридентского формулярника. Их сведения привлекались в работах о разных аспектах социальной и политической истории Польского королевства, в недавнем коллективном труде о войне Польши и Великого княжества Литовского с Тевтонским орденом 1409–1411 гг. и в нескольких работах о польских формулярниках [Gašiorowski; Bukowski; Jóźwiak, Kwiatkowski, Szweda, Szybkowski; Касзуńska]. Между тем еще рецензенты публикации вполне справедливо обратили внимание на письма, содержащие информацию о Витовте и его борьбе с Москвой [Halecki, s. 271–272; Petersohn, S. 180].

⁶ Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae, 1376–1430 (далее – CEV) / Ed. A. Prochaska. (Monumenta mediaevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 6). Cracoviae, 1882. P. XCIV.

⁷ Яркий показатель этого – количество неопубликованных писем, использованных в недавней коллективной монографии о войне Польши и Литвы с Тевтонским орденом 1409–1411 гг. [Jóźwiak, Kwiatkowski, Szweda, Szybkowski, s. 14–15 et passim].

⁸ Lietuvos Mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos Rankraščių skyrius (далее – LMAVB RS). F 15-73. Общая характеристика рукописи и публикация некоторых материалов оттуда: [Kwiatkowski, 2010; Kwiatkowski, 2016].

⁹ Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова. 1392–1409 гг. / Сост., подгот. изд., предисл. и коммент.: П. В. Лукин, С. В. Полехов, Е. Р. Сквайрс. М.; СПб., 2022.

¹⁰ Elementa ad fontium editiones. Romae, 1960. T. 2 / Ed. E. Winkler. № 64, 67.

Насколько достоверна информация, содержащаяся в указанных письмах? Этот вопрос польские ученые ставят применительно к формулярникам вообще. Вполне вероятно, что автором тридентского формулярника был королевский нотариус Николай из Болеслава [Larczyńska, s. 144–146], что повышает доверие к текстам, собранным в этой рукописи. В данном случае обращают на себя внимание многочисленные достоверные подробности. Прежде всего это сами факты военных столкновений Витовта с Великим княжеством Московским и ливонского отделения Ордена с Псковом, отмеченные во множестве независимых источников. Они подтверждают участие в Витовтовых походах братьев Ягайла – Семена Лугвеня, Болеслава Свидригайла, а в походе 1408 г. – орденских сановников с войсками¹¹. В рассматриваемых посланиях правильно названы сроки договоренностей Витовта с Василием I: осенью 1406 г. они заключили перемирие до ближайшего праздника Пятидесятницы («ad festum Penthecosten»), то есть до 15 мая 1407 г., тогда как в 1408 г. такое соглашение было заключено 14 сентября. Послания правильно указывают отношения родства и свойства Витовта: великий князь московский (Василий I) назван его зятем, а его жена (Софья) – дочь великого князя литовского. Послание 1406 г. говорит о попытке московских войск устроить засаду в заболоченном леске, а летописи сообщают о встрече противников в местности под названием Пашкова Гать. Судя по витиеватым и изысканным оборотам, послания изначально были написаны на латыни, которая была принята Ягайловой канцелярией для писем в Тевтонский орден и отчасти Витовту [Szweda, 2009, s. 139–145; Ćapaitė, s. 47–49]. Наконец, известие о поспешном возвращении Витовта в Вильну после заключения перемирия осенью 1408 г. находит подтверждения у Длугоша и косвенным образом в переписке самого Витовта, о чем будет сказано ниже. Все эти подробности позволяют заключить, что четыре послания на «литовско-русскую» тематику, воспроизведенные в формулярнике, – не фиктивные, а реально отправленные, несмотря на искажение некоторых имен и обилие фиктивных деталей в других текстах формулярника [Larczyńska]. Вместе с тем нельзя не отметить тенденциозность рассматриваемых посланий. Так, излагая условия литовско-московского соглашения 1408 г., Ягайло отмечает, что Василий I отказался от всех спорных земель. Но о его претензиях на чернигово-северские земли отъехавшего к нему Свидригайла ничего не известно, а борьба с Литвой за влияние на Новгород и Псков не прекратилась и после встречи на Угре.

Обычно в литературе подчеркивается то общее, что роднило Новгород и Псков, – близость их географического положения, природных условий, социально-политического устройства (республиканский строй). Однако в контексте межгосударственных отношений рубежа XIV–XV вв. важно подчеркнуть различия между ними. По площади территория Псковской республики была значительно меньше новгородской, более ограниченными были ее природные ресурсы. Если в Новгороде социальная структура и своеобразный политический строй имели давние традиции, то в Пскове они складывались в XIII–XIV вв. Во многом различались и взаимоотношения с соседями. Новгород еще со второй половины XIII в. признавал верховенство великих князей владимирских (со времен Дмитрия Донского ярлык на великое княжение владимирское оставался в руках московского князя). К XIII в. восходила и система взаимоотношений Новгорода с Литвой, включавшая совместные владения – «чернокунство»

¹¹ Упоминание в Ягайловом письме маршала Ордена как участника похода Витовта на Москву 1408 г. и очевидца его перемирия с Василием I неточно. В этом походе участвовали комтур Бранденбурга Марквард фон Зальцбах (Зульцбах), фогт Жомойти Михаэль Кюхмейстер, комтур Бальги граф Иоганн фон Зайн (см.: Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399–1409 / Hg. von E. Joachim. Königsberg, 1896. S. 488–489; [Sarnowsky, S. 256–257]). Не исключено, что вместо «marsalcii vestri» в оригинальном письме польского короля стояло близкое по написанию «marsalcii nostri»: маршал Польского королевства Збигнев из Бжезя действительно предводительствовал польским войском в этом походе (*Dlugossii J. Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Liber X et XI (1406–1412). Varsaviae, 1997. P. 19.*)

с Луками и Ржевой (будущими Великими Луками и Пустой Ржевой), а также периодический прием литовских князей с их военными отрядами «на хлебокормление» («на пригороды»). Практика присылки князей «на пригороды» рассматривалась правителями Литвы, а после 1386 г. и Польши как инструмент установления влияния [Полехов, 2019, с. 62–64], хотя, как подчеркивается в литературе, не давала возможности потеснить позиции великих князей владимирских в Новгороде в долгосрочной перспективе [Nikodem, s. 227]. Протяженность новгородско-ливонской границы, проходившей по р. Нарове, составляла примерно 20 км; Нарва, принадлежавшая к владениям Тевтонского ордена в Ливонии, была важнейшим пунктом новгородской торговли. Что же касается Пскова¹², то в становлении его политической системы в XIII–XIV вв. большую роль сыграли князья, так или иначе связанные с Литвой: Довмонт, Давыд Городенский, Александр Михайлович Тверской, Андрей Ольгердович. Их княжение вело к утверждению их восприятия псковичами как «своих», складыванию их долговременных отношений с соответствующими ветвями Гедиминовичей и Рюриковичей. Это, однако, не вело к попаданию в тесную зависимость от Литвы, псковскому политическому сообществу удавалось сохранить высокую степень самостоятельности. Даже в период расцвета военной экспансии Литвы на Русь при Ольгерде (1345–1377 гг.) приоритетными направлениями с 50-х гг. XIV в. были другие, тогда как ни Новгород, ни Псков к ним не принадлежали. Попытка активизации политики по отношению к Пскову была предпринята лишь Ягайлом, по всей видимости, в самом начале 80-х гг., когда он пытался отправить на псковское княжение своего брата Скиргайла, но и она не увенчалась успехом [Полехов, Городилин]. Предпосылки для новой активизации псковской политики Литвы создавало утверждение власти Витовта на землях Великого княжества Литовского, в частности в Полоцке, удобной базе для походов на Псков, – замена полоцкого князя на великокняжеского наместника. При этом вплоть до конца XIV в. отношения Пскова с великими князьями владимирскими не были ни столь тесными, ни столь значимыми, как с литовскими династами. Гораздо более значимым для Пскова к концу XIV в. оставалось соседство с Ливонией, где существенную роль играл не только Тевтонский орден, но и Дерптское епископство (при протяженности псковско-ливонской границы примерно в 480 км). Непросто складывались отношения Пскова с соседним Новгородом, которые к концу XIV в. вылились в настоящую войну. Все это нужно учитывать при рассмотрении ситуации первого десятилетия XV в.

Обычно ученые ограничиваются констатацией того факта, что согласно Салинскому договору Великого княжества Литовского с Орденом, заключенному 12 октября 1398 г., Псков признавался сферой интересов Ордена, а Новгород – Литвы¹³. При этом Псков был отдан Ордену по инициативе Витовта, который таким образом отреагировал на попытку Ордена напомнить о правах на Водскую землю [Kubon, по указ. s. v. Watland]. Как справедливо отмечено, ее признание сферой интересов Ордена могло бы привести к чрезмерному его усилению, которого Витовт допустить не желал [Казакова, с. 36–38]. Важно отметить, что все эти договоренности были зафиксированы на уровне взаимоотношений Витовта не с ливонским магистром Конрадом фон Фитингхофом, на чье отделение Ордена, соседствовавшее с Псковом, как показали события 1406–1409 гг., легла основная тяжесть войны за него, а с главой Ордена – великим магистром Конрадом фон Юнгингеном, пребывавшим в Пруссии. Представляется не случайным, что в 1402 г. он добился подтверждения уступки Пскова от князя Свидригайла,

¹² Опираюсь на анализ положения Пскова, предпринятый С. В. Городилиным, результаты которого опубликованы лишь частично: [Городилин, 2019].

¹³ Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen im 15. Jahrhundert. Marburg, 1970. Bd. 1 (1398–1437). 2. Aufl. / Hg. von E. Weise. № 2.

бежавшего в Пруссию¹⁴. Отсюда можно заключить, что Конрад фон Юнгинген был не прочь воспользоваться возможностями территориальной экспансии Ордена за счет его соседей¹⁵. А в 1404 г. уступку Пскова Ордену, опять-таки на переговорах с великим магистром, подтвердили Витовт и Ягайло. Многое зависело от того, когда и как Орден приступил бы к реализации этих договоренностей. А реализовывать их с орденской стороны предстояло ливонскому магистру, силами главным образом вверенного ему отделения Ордена, а также других ливонских ландсгерров.

Между тем при ближайшем рассмотрении обнаруживается неугасающий интерес Витовта к Пскову. Уже зимой 1398/1399 г. он расторг мир с Псковом¹⁶ – но в интересах не ливонского союзника, как нередко утверждается, а в своих собственных: примечательно, что ни о каких действиях этого времени со стороны Ордена, которые говорили бы о его заинтересованности в реализации этого пункта Салинского договора, мы не знаем. Псков в ответ пошел на сближение с Москвой: после того как весной 1399 г. город покинул Иван Андреевич, сын Андрея Ольгердовича, псковичи отправили посольство к Василию I, и 10 августа к ним прибыл женатый на его сестре князь Иван Всеволодич, внук Александра Михайловича Тверского. И хотя спустя всего несколько месяцев, после смерти Михаила Александровича Тверского, он покинул Псков, связи последнего с Москвой сохранились: в 1401 г. Василий I по просьбе псковичей прислал туда князя Данилу Александровича в качестве наместника¹⁷. В свою очередь, в том же году Витовт совершил поход на Новгород, но он окончился неудачей¹⁸. Это создавало предпосылки для активизации его политики по отношению к Пскову. Однако вернуться к активной политике в отношении Северо-Западной Руси Витовт смог лишь после того, как в 1404 г. заключил «вечный мир» с Орденом в Рацёнжке, дополненный соглашениями в Ковне, и вновь подчинил отпавший было от Литвы Смоленск. Характерно, что Рацёнжский мир подтверждал условия Салинского договора, в том числе и о разделе сфер интересов Ордена и Литвы. Способствовало этой политике то, что смоленский князь Юрий Святославич отправился в Новгород. Осенью 1405 г. Витовт вместе с тверским великим князем Иваном Михайловичем, женатым на его сестре и сблизившимся в это время с Литвой, требовал от Новгорода выдачи Юрия Святославича, чья попытка найти приют в Пруссии незадолго до этого оказалась безуспешной¹⁹. Впрочем, цели Витовта не сводились к тому, чтобы добиться выдачи спасшегося смоленского князя (такую точку зрения см., например: [Беспалов, 2016, с. 148–166]). Об этом свидетельствует письмо литовского правителя комтуру Бальги, побывавшему у него в посольстве, от 21 апреля 1405 г.²⁰ В нем великий князь литовский жаловался на ливонского магистра, который, несмотря на его просьбу, отказался объявить Новгороду и Пскову, что отныне Орден и Витовт – союзники и война с одним из них повлечет за собой расторжение мира и с другим партнером. Ливонский магистр отказывался сделать это, ссылаясь на существующий издавна договор с ними. В ответ посол Витовта напоминал: Ордену, призванному обращать неверных в христианство, чтобы

¹⁴ Ibid. № 11 (здесь же указаны публикации двух текстов – латинского и немецкого).

¹⁵ Подробному обоснованию тезиса о том, что Конрад фон Юнгинген не проводил политики целенаправленной территориальной экспансии, посвящена недавняя книга Себастьяна Кубона [Kubon]. С обоснованной критикой этой концепции выступил Адам Шведа: [Szweda, 2018].

¹⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 393–394; Псковские летописи. М.; Л., 1955. Вып. 2. С. 30; ПСРА. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 228.

¹⁷ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 26; Вып. 2. С. 30, 109.

¹⁸ *Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft* (далее – SRP). Leipzig, 1866. Bd. 3. S. 250.

¹⁹ *Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch* (далее – LUB). Bd. 4 / Hg. von F. G. von Bunge. Reval, 1859. № 1654, 1665; *Hansisches Urkundenbuch*. Leipzig, 1899. Bd. 5 / Hg. von K. Kunze. № 684; Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова. 1392–1409 гг. № 12. О позиции Ивана Михайловича Тверского см.: [Тюльпин; Tegowski, s. 219].

²⁰ СЕВ. № 308.

не лишиться смысла существования в регионе, не останется ничего другого, как выступить против Новгорода и Пскова. Что же будет, спрашивал посол, если тогда Витовт вспомнит о мире с ними и откажется помочь союзнику? Магистр ответил, что и он, и Витовт заботятся о своем благе. Реакция Витовта не заставила себя ждать.

Прозондировав ситуацию в Новгороде осенью 1405 г., при этом заручившись поддержкой тверского князя и убедившись в благосклонности великого магистра, в начале 1406 г., когда этому благоприятствовали погодные условия, Витовт открыл боевые действия – вторгся на территорию Псковской республики и взял две псковские крепости (летописи называют лишь одну из них – Коложе), а затем два дня провел под Вороначем, воюя псковские волости [Polechow, s. 54]. При этом «разметную грамоту» Витовт отослал не в Псков, а в Новгород. Если эта демонстрация по отношению к Новгороду еще могла бы быть связана с требованием Витовта выдать ему Юрия Смоленского, то нападение на Псков в такое понимание причин войны явно не укладывается. В литературе действия великого князя литовского и их цели объяснялись главным образом верностью его обязательствам по отношению к ливонским союзникам (например: [Казакова, с. 41]).

Хотя из-за состояния источников мы ничего не знаем о подготовке этого похода, в отличие от похода Витовта на Псков 1426 г., который готовился заблаговременно, можно отметить следующее. Поход Витовта был очень стремительным (к 23 февраля 1406 г. он уже вернулся в Вильну), напоминая зимние «рейзы» Тевтонского ордена на Литву. Его целью являлось не установление контроля над какой-то частью псковской территории (в таком случае Витовт попытался бы оставить в Коложе свой гарнизон и взять Воронач, на осаду которого в 1426 г. он потратил три недели), а ее разорение и вывод пленных²¹. Эти действия вызвали крайне острую реакцию псковичей, свидетельством чему служит чрезвычайно негативная характеристика Витовта в псковском летописании. Отсылка грамоты об объявлении войны в Новгород, как и отход литовских войск через территорию «чернокунства», явно были способами давления на Новгород, у которого Псков официально просил помощи, и демонстрации перспектив противостояния и сотрудничества в начавшейся войне. На способ объявления войны могло повлиять и представление о Пскове как о «брате младшем» Новгорода, продвигаемое последним. Начиная же с нападения не на Новгород, где укрывался Юрий Святославич, а на Псков, Витовт преследовал цель втянуть ливонскую ветвь Ордена в войну и вместе с тем заявить о своих интересах на псковском направлении. При этом Витовт шел на определенный риск, поскольку орденовским войскам легче было дойти до Пскова, чем литовским [Салмин, с. 154–155], и тем самым «переиграть» союзника. Не стоит удивляться расхождению целей Витовта, декларируемых в договорах с Орденом и реконструируемых по его действиям: можно вспомнить его же заявление о походе в 1395 г. против хана Тимур-Кутлуга, истинной целью которого был Смоленск²², или случаи дезинформации Тевтонского ордена [Jóźwiak, s. 238–244].

В ситуации, когда Витовт взял инициативу в свои руки, Ордену не оставалось ничего другого, как реагировать на нее. Об этом могут свидетельствовать не только приведенные соображения, но и слова из послания властей Ревеля властям Новгорода, написанного после 11 апреля 1406 г. и сохранившегося в двух списках в ревельской книге исходящей

²¹ Если сам факт вывода пленных хорошо укладывается в практику литовских походов XIII – начала XV в. и не подлежит сомнению, то их численность, приводимая в псковских летописях, – 11 тысяч человек – выглядит преувеличенной. Распространенная в литературе версия о поселении этих пленных в Городне, куда они якобы принесли топоним «Коложа» (производные от которого фиксируются в источниках с конца XV в.), основана лишь на его созвучии с названием псковского города. Между тем оба топонима, скорее всего, своим происхождением обязаны свойствам местности и не связаны друг с другом генетически [Трусаў, с. 6–8].

²² ПСРА. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 378–379.

корреспонденции (Missivbuch). Если в первом случае, в самостоятельном списке послания, говорится, что мир мог быть расторгнут ливонским магистром, то во втором, в его неполном списке в виде текста, включенного в послание властей Ревеля немецкой купеческой общине в Новгороде, который читается в ультрафиолетовом освещении, по-видимому, уже определенно сказано о состоявшемся расторжении мира²³. К сожалению, из-за состояния источников мы не знаем, предшествовали ли этому консультации ливонского магистра Конрада фон Фитингхофа с Мариенбургом (ср.: [Götz]). Как бы то ни было, возможности прусской ветви Ордена в реализации псковской политики оказывались ограниченными: сначала – усилиями по интеграции Жомойты в орденские владения, а затем и участием прусских войск в походах Витовта на Московское княжество.

Известная размолвка после нападения Витовта на Псков, когда призванные псковичами на помощь новгородцы предложили тем отправиться в поход не на Литву, а на Ливонию, легко объяснима. Географическое положение и экономическое значение ставили Новгород в гораздо более выигрышную позицию по отношению к Ливонии и тамошнему отделению Ордена, чем Псков. Арест товаров ганзейских купцов в Новгороде наносил болезненный удар по Ливонии. В результате в июле 1406 г. псковичи во главе с князем Даниилом Александровичем и посадником Ларионом Дойниковичем совершили самостоятельный поход на Великое княжество Литовское, избрав объектом нападения Полоцк – крупный торговый центр, достаточно легко достижимый из Пскова²⁴.

Дальнейшее развитие русско-литовских и русско-ливонских взаимоотношений хорошо известно: Василий I уже к маю 1406 г. отправил в Псков брата Петра Дмитриевича вместо изгнанного псковичами Даниила Александровича, «псковьския ради обиды» объявил войну Витовту и повоевал его владения, а тот вместе с союзниками-крестоносцами из прусской ветви Ордена выступил в поход на Москву, из которого вернулся лишь поздней осенью, но до сражения дело так и не дошло. Ливония же оказалась втянута в войну с Псковом, на который войска Ордена, Дерптского и Курляндского епископств ходили поздним летом 1406 г., а в октябре состоялся ответный поход псковичей [Казакова, с. 41–42; Салмин, с. 161–164]. Казалось бы, теперь каждый из союзников сосредоточил внимание на «своем» направлении.

Однако внимательное чтение источников говорит о другом – о неугасающем интересе Витовта к псковским делам. Пойдя на уступки ливонскому союзнику в Копытском торговом договоре, тем самым сделав демонстративный шаг навстречу ему летом 1406 г. [Хорошкевич], осенью того же года Витовт через верховного маршала Ордена предлагал ливонскому магистру помощь в походе на Псков, а позже писал об этом великому магистру²⁵. Характерно, что в данном случае великий князь литовский обратился не напрямую к ливонскому магистру (или не только к нему), но к орденскому руководству в Пруссию, отдаленную от Пскова и псковских дел. Витовт отслеживал действия ливонских войск в Псковской земле и, получив известие об их успехах, не преминул переслать его Ягайлу²⁶. В уже упоминавшейся вильнюсской рукописи начала XVI в. из архива великих магистров имеется заметка: «В 1406 году в сентябре в день св. Галла, как говорят, Псков сдался Витовту, а с Витовтом был комтур Рагнита и проч.»²⁷. Судя по всему, она отразила слухи, достигшие Пруссии в то время, еще до получения точной информации:

²³ Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова. 1392–1409 гг. № 18, 19.

²⁴ Псковские летописи. Вып. 1. С. 28–29; Вып. 2. С. 32, 112. В Псковских I и III летописях датой похода названо 30 июня, но указание «на память святого Силы и Силоуана» позволяет приурочить его к 30 июля, которое указано в Псковской II летописи.

²⁵ Известен ответ последнего: CEV. № 356.

²⁶ Elementa ad fontium editiones. Т. 2. № 64.

²⁷ «Anno 1406 im september am tage Galli Pleczko sol sich Wytoldt ergeben habenn und com[thur] von Rangnit ist mit Witolden gewessenn etc.» [Kwiatkowski, 2010, S. 76, Anm. 36].

о сдаче Пскова Витовту осенью 1406 г. речи не шло (не говоря уже о том, что память св. Галла празднуется католической церковью не в сентябре, а 16 октября), но комтур Рагнита граф Фридрих фон Цоллерн действительно участвовал в его походе против Василия I, состоявшемся в это время²⁸. Приведенная заметка – еще один показатель того, что «псковский вопрос» политики Витовта не ограничился походом в начале 1406 г., а сохранял актуальность и осенью того же года, причем он не упускал его из виду, даже возвращаясь из далекого и утомительного московского похода.

Инициативы Витовта в войне с Псковом не могли пройти мимо внимания руководства Тевтонского ордена, которому Псков был отдан по Салинскому договору и подтвердившим его соглашениям в Рацёнжке и Ковне. Относится это к руководству Ордена не только в Ливонии, втянутой в войну с Псковом, но и в Пруссии. Так, в конце 1406 или первые месяцы 1407 г. великий магистр Ордена, сообщая некоему князю новости, счел нужным отметить, что ливонское отделение Ордена уже некоторое время воюет с Псковской землей, успело причинить ей большой ущерб, разоряя и сжигая села, убивая и выводя в плен жителей; при этом сами ливонцы обошлись без существенных потерь и предстоящим летом в праздник Девы Марии (то есть на Успение) намерены вновь вторгнуться туда с большим войском²⁹. Таким образом, не подтверждается предположение, что поход ливонцев на Псков был вызван отъездом в Москву князя Константина Дмитриевича, брата Василия I, в августе 1407 г. после нескольких месяцев пребывания в Пскове [Казакова, с. 43; Салмин, с. 165], тем более что в походе участвовали не только ливонцы, но и рыцари-«гости» из Европы³⁰. Поход планировался заранее и с учетом погодных условий, благоприятных для ведения боевых действий в Псковской земле, был назначен на Успение Девы Марии – святой покровительницы Тевтонского ордена. Это позволяло попытаться захватить сам Псков, не дожидаясь новых инициатив литовского союзника. Рассматриваемое послание важно и тем, что показывает заинтересованность орденского руководства делами ливонской ветви, несмотря на отдаленность Пскова от Пруссии. Поход окончился битвой на Логозовичском поле под самым Псковом³¹, в которой немцы понесли большие потери, бежали с поля боя и вынуждены были вернуться в Ливонию. Псковский летописец сравнивал это сражение с Ледовым побоищем и Раковорской битвой³². Однако в Ливонии известие о битве восприняли с удовлетворением: послание верховного маршала Ордена новому великому магистру Ульриху фон Юнгингену от 4 сентября 1407 г., в котором тот пересылал письмо ливонского магистра о битве, не содержит никаких сетований по поводу потерь ливонцев³³. Остается думать, что ливонский магистр попытался представить

²⁸ Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399–1409. S. 400, 409; CEV. № 347, 348.

²⁹ Эта информация содержится в записке, некогда приложенной к письму как *postsriptum* (Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz, XX. Hauptabteilung (Königsberger Archiv), Ordensbriefarchiv (далее – GStAPK, OBA) 5023). В записке нет даты (она, скорее всего, была указана в письме), но она устанавливается по указанию на сроки предстоящего похода, который действительно состоялся в августе 1407 г. Кёнигсбергские архивисты при упорядочении материалов архива в конце XIX в. ошибочно отнесли записку ко времени около 1428 г.

³⁰ См. записки о расходах на них во время их возвращения через Пруссию осенью 1407 г.: Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399–1409. S. 434.

³¹ Современная деревня Логозовичи расположена в 6 км к западу от Пскова.

³² Известие об этом сражении имеется также в записи в псковском Прологе на мартовскую половину года конца XV – начала XVI в., куда она явно была перенесена из более ранней рукописи (ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 602. Л. 413). В этой записи сражение датировано днем памяти св. мученицы Вассы, 21 августа 6916 г. В литературе эту дату определяют как 1408 г. [Рукописные книги, с. 205; Никонов, с. 154–155]. Однако, судя по совпадению подробностей с надежно датированным рассказом псковских летописей, имеется в виду сражение 21 августа 1407 г. Если не допускать порчу годовой даты в записи в Прологе, то остается думать, что 6916 г. этой записи – ультрамартовский.

³³ GStAPK, OBA 27880. В дате письма («Gegeben czur Memmil am sontage noch Egidii») год не указан, установлен по известию о сражении ливонцев с псковичами. Ульрих фон Юнгинген был братом предыдущего великого магистра Конрада, умершего 30 марта 1407 г.

дело в выгодном для себя свете – возможно, подчеркивая потери псковичей, которые, согласно псковским источникам, потеряли убитыми 700 человек, в том числе троих посадников³⁴. О значении битвы говорит и тот факт, что после нее стратегическая инициатива оказалась в руках ливонцев [Салмин, с. 165–167]. В качестве отголоска битвы на Логозовичском поле правомерно рассматривать заявление псковичей ливонскому магистру, приведенное в письме купца Гильдебранда Фекингузена: «Также магистр сказал мне, что псковитяне сообщили ему: если он придет с войском, то они сразятся с ним; если же он выиграет сражение, то они перейдут под его власть»³⁵ (разумеется, эти слова совсем не обязательно отражали истинные намерения и расчеты политического сообщества Псковской республики, а могли быть отвлекающей риторикой – как самих псковичей, так и магистра).

Между тем Витовт и Ягайло задействовали дипломатию при папской курии. Весной 1407 г. великий князь литовский вместе с Ягайлом пытался выхлопотать у папы Григория XII благословение похода на «схизматиков», с которыми соседствуют Польша и Литва, как если бы участники этого похода отправились в Святую землю. Получив суплику Гедиминовичей (то есть прошение отпустить грехи участникам похода), папа поинтересовался мнением генерального прокуратора Тевтонского ордена Петера фон Вормдитта. В ответ прокуратор сообщил папе, что Витовт и Ягайло вовсе не нуждаются в таком благословении, какое нужно было Тевтонскому ордену для покорения Пруссии в XIII в., а наплыв рыцарей-«гостей» из Европы в их владения нежелателен. В результате папа не утвердил суплику, но поставил прокуратора в неловкое положение, поскольку тот не мог открыто противодействовать дипломатии союзников Ордена. Этими соображениями он поделился в письме великому магистру³⁶. В суплике не говорится, имелись ли в виду какие-то определенные земли (Новгород, Псков, Москва), или вся Русь, лежащая за пределами Польского королевства и Великого княжества Литовского. Однако можно определить, как эту суплику понимали в Ордене: согласно хронике помезанского официала, речь шла о тех «русских и язычниках, принудить которых [к христианской вере] было предписано этим землям», то есть Пруссии и Ливонии³⁷. Это объясняет, почему очередная инициатива Витовта, поддержанная Ягайлом, вызвала столь серьезное противодействие их союзника – Тевтонского ордена. Теперь усиления Витовта из-за его активности в Пруссии опасались не только в ливонской, но и в прусской ветви Ордена. Здесь уместно напомнить слова из послания ливонского магистра Конрада фон Фитингхофа великому магистру Генриху фон Плауэну 1411 г., который с явным неудовольствием писал о приеме псковского посольства Витовтом в Полоцке и достигнутой там договоренности, «ибо Псков отведен нашему Ордену, если тот сможет его завоевать»³⁸. Четырьмя годами ранее, когда дело еще не дошло до Грюнвальдской битвы, а Литва и Орден оставались союзниками, до столь ярко выраженного неудовольствия было еще далеко, но противоречия между ними уже намечались.

Прежде чем говорить о развитии событий вокруг Пскова в 1408 г., стоит остановиться на недавно высказанной гипотезе о двух московско-литовских войнах – 1406–1407 и 1408 гг.

³⁴ Псковские летописи. Вып. 1. С. 30–31; Вып. 2. С. 33–34, 116–117; ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 602. Л. 413. Большие потери псковичей подчеркивает и орденский хронист (SRP. Bd. 3. S. 286).

³⁵ «Item zegede my dey mester, dat dey Pleskauers eme onboden hebben, dat hey sole komen myd siner macht, zee wyllen myd eme stryden, wint hey den strüt, so wyllen zee syk under en setten» (Hildebrand Veckinchusen. Briefwechsel eines deutschen Kaufmanns im 15. Jahrhundert / Hg. von W. Stieda. Leipzig, 1921. № 15. S. 18).

³⁶ GStAPK, OBA 861; Die Berichte der Generalprokuratoren des Deutschen Ordens an der Kurie. Göttingen, 1960. Bd. 2 / Bearb. von H. Koeppen. № 31. Текст суплики приложен к письму, но не вошел в указанную публикацию. В более ранней работе я ошибочно утверждал, что Ягайлу и Витовту все же удалось выхлопотать благословение [Полехов, 2017, с. 105]. Но в действительности это не так.

³⁷ SRP. Bd. 3. S. 288.

³⁸ LUB. Bd. 4. № 1888.

По мнению Р. А. Беспалова, выступившего с этой гипотезой, причиной войны было требование Витовта выдать ему беглого смоленского князя Юрия Святославича. Когда он умер, стороны то ли заключили мир, то ли предварительно договорились (начали переговоры?) о мире. Военные же действия 1408 г., по мнению исследователя, были связаны уже с отъездом Свидригайла к Василию I. Свою позицию Р. А. Беспалов подкрепляет ссылкой на московско-литовский договор, опубликованный А. Л. Хорошкевич и отнесенный ею к 4 сентября 1407 г. Соглашаясь с этой датировкой, автор гипотезы замечает: «Для заключения же договора о мире в сентябре 1407 г. необходимо было устранить причину начала войны или твердо договориться об ее устранении», в связи с чем далее пишет о смерти Юрия Святославича. «Таким образом, – заключает исследователь, – имеется ряд признаков того, что после вяземской встречи Витовт и Василий I все же стремились к наступлению полноценного мира» [Беспалов, 2016, с. 163–166]. Однако договор этот известен лишь по списку начала XIX в., лишенному каких-либо сопроводительных записей о его внешнем виде. По содержанию он напоминает литовско-тверской договор 1427 г., в котором статьи беспорядочно перемешаны. Можно предположить, что его появление связано с определенным интересом тогдашних коллекционеров к грамотам, связанным с именем Витовта [Полехов, 2018]. Возможно, дальнейшее изучение эпистолярного наследия графа Н. П. Румянцева прольет свет на происхождение этого странного текста. Пока же ограничимся констатацией того, что Тверской сборник сообщает о заключении перемирия сроком до 29 июня 1408 г.³⁹, а такие надежные источники, как расходные записи Тевтонского ордена в Пруссии, городов Кракова и Львова в Польском королевстве, датированные июнем 1408 г. и приводимые самим Р. А. Беспаловым, недвусмысленно свидетельствуют о подготовке правителей Литвы и Польши к войне с Москвой еще до известий об отъезде туда Свидригайла.

К этому необходимо добавить несколько известий, относящихся к судьбе Пскова. Неурегулированность отношений Литвы с Псковом не позволяла Витовту согласовать с московскими послами условия мирного договора зимой 1407/1408 г.⁴⁰; судя по купеческой переписке конца 1407 г., нерешенный вопрос о дальнейшей судьбе Пскова всерьез беспокоил псковичей, его также планировалось обсуждать с участием Василия I (или его послов) на польско-литовско-орденском съезде в Ковне в январе 1408 г.⁴¹ Отсюда следует, что к началу 1408 г. между Витовтом и Василием I действовало лишь перемирие.

Планы Витовта этого времени косвенно характеризует следующий факт. 6 и 10 января 1408 г. великий комтур в двух письмах сообщал великому магистру, что генеральный староста великопольский Томек (Томаш) из Венгleshина отправился с большим польским войском в Литву, куда из Польши выезжают все новые отряды. Поскольку великий комтур не знал, для чего в Литве происходит концентрация войск, он, посоветовавшись с сановниками, распорядился привести орденские войска в боевую готовность⁴². Понятно, что власти Ордена после череды войн, перемирий и мирных договоров испытывали недоверие к литовскому союзнику (отсюда и отмеченное выше стремление не допустить получения папской буллы с благословением крестового похода против «схизматиков» весной 1407 г.) и тщательно отслеживали происходящее на его территории. Но союзные отношения Литвы и Польши с Орденом сохранялись: об этом говорит переброска войск в Литву с польско-орденской границы. Нет оснований думать, что ее причиной были опасения Свидригайлова бунта, поскольку в таком случае следовало бы ожидать усиления гарнизонов в черниговском регионе. Остается

³⁹ ПСРА. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 478.

⁴⁰ CEV. № 374.

⁴¹ Hildebrand Veckinchusen. Briefwechsel eines deutschen Kaufmanns im 15. Jahrhundert. № 15. S. 18. Об этом съезде см.: [Szweda, 2009, s. 373–374].

⁴² LMAVB RS. F 15–73, p. 4; GStAPK, OBA 971 (краткое содержание последнего письма: CEV. № 373).

заключить, что целью концентрации войск в Литовской земле был планировавшийся поход на Псков, расположенный в относительной близости от нее; зима была благоприятным временем для такого похода. Весной Витовт прямо писал великому магистру о намерении отправиться в поход на Псков предстоящим летом, приглашая его присоединиться с орденскими войсками и созвать «гостей» из Европы, обосновывая свою просьбу недостатком сил у ливонского отделения Ордена. Великий магистр ограничился благодарностью за предложенную помощь, отказался от личного участия в походе, счел он ненужным и созыв «гостей», поскольку, по его словам, всем и так было известно о войне с Русью⁴³. Но инициатива вновь находилась в руках Витовта, и это не ускользнуло от внимания руководства Ордена. 18 апреля 1408 г., поздравляя польского короля Владислава Ягайла с рождением дочери (вскоре крещенной под именем Ядвиги⁴⁴), великий магистр Ульрих фон Юнгинген с благодарностью писал, что ливонский магистр в войне с Псковом получает содействие «советом и помощью» от князя Витовта, но просит подмоги из Пруссии и для обсуждения этих дел глава Ордена намерен встретиться со своим ливонским сановником или его уполномоченным в Мемеле 3 июня⁴⁵. Таким образом, весной 1408 г. враждебность сохранялась в отношениях Пскова не только с Орденом, но и с Великим княжеством Литовским, а это, учитывая всю предшествующую историю псковско-литовско-московских отношений, было бы невозможно, если бы к тому времени между Витовтом и Василием I был заключен мир. Все этой переписке в первой половине 1408 г. сопутствовали очередные ливонские походы на Псковскую республику, куда вернулся князь Данила Александрович [Салмин, с. 167–168]. Наконец, летом 1408 г. Витовт даже спрашивал главу Ордена, позволит ли тот великому князю литовскому дать наместника псковичам⁴⁶. Все эти планы Витовта в отношении Пскова нарушили лишь мятеж Свидригайла летом 1408 г. и последующий литовско-орденский поход на Московское княжество, завершившийся двухнедельным «стоянием на Угре» и соглашением с Василием I.

Историки практически единодушны в том, что на Угре в сентябре 1408 г. был заключен литовско-московский мирный договор. При этом они основываются на известиях нарративных источников – как русских летописей, так и хроники помезанского официала, – согласно которым князь «взяша мир по давному»⁴⁷. Однако слово «мир» могло обозначать как «вечный мир», то есть мирный договор с неограниченным сроком действия, так и перемирие, заключенное на определенный срок, причем и в русских, и в немецких, и в латинских источниках (например: [Neitmann, 1983, S. 52, Anm. 9; Fisch, S. 352]), а подобные источники нередко составлялись и редактировались *post factum*, что влияло на их терминологию.

Решающее значение, как мне представляется, приобретает информация из вышеупомянутого письма Ягайла главе Тевтонского ордена. В нем соглашение, заключенное 14–15 сентября 1408 г., названо «*рах et treugarum induciae*», то есть «мир и перемирие». Благодаря работе [Полехов, 2017, с. 105] исследователи уделили этому месту некоторое внимание, впрочем, на мой взгляд, недостаточное. Так, на него кратко сослался шведский историк Свен Экдаль, говоря о заключении московско-литовского мира и обещании

⁴³ СЕУ. № 374, 377.

⁴⁴ Ядвига, дочь Ягайла и Анны Цилейской, родилась 8 апреля 1408 г. Ее крещение состоялось лишь после 25 июля этого года, а умерла она 8 декабря 1431 г. [Tęgowski, s. 132–136].

⁴⁵ GStAPK, ОВА 982. По-видимому, встреча состоялась: известно, что в первой декаде июня 1408 г. Ульрих фон Юнгинген побывал в Мемеле [Szweda, 2017, s. 51].

⁴⁶ СЕУ. № 378. Это письмо хорошо известно в польской литературе [Józwiak, Kwiatkowski, Szweda, Szybkowski, s. 40; Nikodem, s. 236].

⁴⁷ ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 538; Т. 15. Стб. 482; Т. 25. С. 237–238; SRP. Bd. 3. S. 291.

Василия I помогать Витовту всеми своими силами⁴⁸. Подробнее высказался Р. А. Беспалов: «Из-за многословной формы речи сложно определить точно, о чем здесь говорится: о мире или о перемирии» [Беспалов, 2017, с. 49, примеч. 29]⁴⁹. Но если не подменять анализ терминологии латиноязычного источника общими рассуждениями, то можно заключить, что эта терминология – довольно точная. Обращает на себя внимание, что вторая часть характеристики литовско-московского соглашения («перемирие») выражена плеоназмом «*treugarum induciae*»: достаточно было бы сказать «*treugae pacis*» или «*induciae*». Такая форма была употреблена, скорее всего, не случайно, а для того, чтобы подчеркнуть, что соглашение заключалось на определенный срок, то есть представляло собой перемирие. Терминологическое различие между ограниченным по срокам перемирием и «вечным» (то есть бессрчным) миром появляется в западноевропейских источниках с XII в.; если поначалу перемирие еще могло быть названо словом «рах», то «вечный мир» мог быть поименован «перемирием» разве что по незнанию условий договора⁵⁰; с XIII в. различие между миром и перемирием проводится с редкой для той эпохи последовательностью [Neitmann, 1986, S. 351, 379–380; Fisch, S. 351–354].

Но дело не только в этом. На заключение осенью 1408 г. перемирия, а не «вечного мира» указывает весь контекст событий: уладив на Угре дела с зятем, Витовт спешно выехал в Вильну, не дожидаясь собственных войск. Об этом сообщается не только в Ягайловом письме, но и в рассказе Яна Длугоша, который знал о походе от его участников⁵¹. На очень быстрое возвращение Витовта в Литву косвенно указывает тот факт, что великий магистр ответил на его письмо, написанное оттуда, уже 25 октября⁵². Поскольку письмо из Литвы в Пруссию шло примерно неделю, если не больше, послание Витовта могло быть написано примерно в середине октября, а значит, великому князю литовскому потребовалось на возвращение с Угры всего лишь около месяца. За два дня у литовского и московского князей просто не было времени договориться обо всех условиях и составить грамоты о «вечном мире», тем более что ранее они не могли этого сделать на протяжении двух с половиной лет. Даже после встречи князей на Угре остался нерешенным столь принципиальный вопрос, как выдача Свидригайла Витовту: договоренность на этот счет была достигнута лишь к ноябрю 1408 г.⁵³ О непрочности

⁴⁸ «According to this important source, Wassili had on 15 September, 1408 at the river Ugra approved the declaration of peace by kissing the cross, and returned all controversial countries to Witold and committed to providing military aid to fight all their enemies» [Ekdahl, p. 184–185 (цитата), ср. p. 191–192].

⁴⁹ Сам Р. А. Беспалов склоняется к мысли, что на Угре был заключен «вечный мир». В подтверждение он ссылается, в частности, на слова Витовта и Ягайла, обращенные к новгородцам, в известии о расторжении мира с ними 2 января 1413 г.: «съ Угры и со всеми нашими граничники мирны есме» (НПЛ. С. 403; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 412). Отсюда он заключает, что «московско-литовский договор 1408 г. включал в себя и соглашения о третьих сторонах, в том числе о тех князьях черниговского дома, владения которых граничили с Великим княжеством Литовским, но еще не входили в его состав» [Беспалов, 2017, с. 49–50 и примеч. 29]. Между тем в летописном известии имеется в виду мирный договор Витовта и Ягайла с венгерским королем Сигизмундом Люксембургским («съ Угры» – с Венгрией), заключенный 15 марта 1412 г. [Nowak, 1981, s. 28–30]. Каким образом белевский автор выводит отсюда московско-литовские «соглашения о третьих сторонах», остается лишь догадываться...

⁵⁰ Например, Свидригайло, не поддерживая постоянных контактов с Тевтонским орденом после поражения в Вилькомирской битве, в письмах туда в первые месяцы 1436 г. лишь по незнанию именовал польско-литовско-орденский Брестский «вечный мир», заключенный 31 декабря 1435 г., «перемирием» (GStAPK, OVA 7156, 7160, 7170).

⁵¹ *Dlugossii J. Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Liber X et XI (1406–1412)*. P. 20–21. Это хорошо соответствует основной цели труда Длугоша – нравоучительной: так, Витовт, заключив соглашение с Василием, оставляет свое войско и спешит к супруге, движимый женолюбием, тогда как брошенные на произвол судьбы воины терпят разные невзгоды; Ягайло вознаграждает польских участников похода чересчур щедро, словно бы они воевали за Польское королевство, а не за Великое княжество Литовское.

⁵² СЕУ. № 384.

⁵³ На это указывает сопоставление рассказа из письма фогта Жомойти от 23 мая 1409 г. об отъезде Свидригайла в Орду от Василия I, который обещал Витовту выдать его (*Supplementum ad Historica Russiae Monumenta, ex archivis ac bibliothecis extraneis deprompta, et a Collegio Archaeographico edita. Petropoli, 1848. № 112*), с действиями младшего Ольгердовича во время нашествия Едигея на Москву.

соглашения на Угре, как мне представляется, говорит и последующий набег татар (очевидно, союзных Василию I) на Брянск [Конявская, с. 265–266]. Повторялась ситуация 1372 г., когда литовский и московский князья, встретившись с войсками под Любутском, заключили перемирие и лишь спустя несколько месяцев оно было заменено «вечным докончанием»⁵⁴. При отсутствии прямых свидетельств можно лишь предполагать, что в рассматриваемом случае литовско-московский мир был заключен не позднее начала июня 1409 г. На это указывает пассаж из письма фогта Жомойти Михаэля Кюхмейстера главе Ордена от 16 июня 1409 г. Сообщая о недавно начавшемся восстании во вверенной ему земле, Кюхмейстер передавал со ссылкой на информатора, побывавшего в Ковне: Витовт открыто говорил своим подданным, что польский король и московский князь давно призывали его расторгнуть мир с немцами, чего он не хотел делать; теперь же он видит многочисленные притеснения с их стороны⁵⁵. Перечисление московского правителя в одном ряду с польским королем свидетельствует, что отношения Витовта с первым из них к этому моменту значительно ухудшились.

Чтобы положить конец войне, необходимо было урегулировать судьбу Пскова, причем заключать соглашение о ней предстояло и с Василием I, и с самим Псковом⁵⁶. Источники, однако, не сообщают, последовало ли за встречей на Угре литовско-псковское перемирие. В походе ливонцев на Псков, начавшемся 5 февраля 1409 г., когда истек срок действия ливонско-псковского перемирия [Салмин, с. 168–169], участвовали литовские воины. Известие позднейшего источника наводит на мысль, что к этому времени между Литвой и Псковом все же действовало перемирие. В 1426 г., готовясь к большому походу на Псков, Витовт просил ливонского магистра позволить ливонцам участвовать в этом походе. Литовский правитель подчеркивал, что их участие не нарушит псковско-ливонского мира, подобно тому как участие подданных Витовта в походе ливонцев на Псков не нарушало литовско-псковского мира⁵⁷. С учетом хронологии отношений Пскова, Литвы и ливонского отделения Ордена представляется вполне вероятным, что Витовт имел в виду ситуацию начала 1409 г. Участие литовских воинов в очередном ливонском походе на Псков позволяло Витовту сохранить контроль над ситуацией, не допуская открытого обострения отношений с Орденом. Между тем в Орденом прекрасно понимали намерения великого князя литовского. Скорее всего, именно в это время, 23 февраля 1409 г., верховный маршал Ордена писал великому магистру об усилиях Витовта, направленных на то, чтобы «отвести» или «отлучить» Псков от Ордена⁵⁸. За этим сообщением сановника чувствуется его нескрываемое беспокойство. Это заставляет в очередной раз задуматься

⁵⁴ Подробный разбор источников см.: [Кучкин, с. 144–168].

⁵⁵ SEV. № 411. Р. 183.

⁵⁶ Ср. приводимые ниже свидетельства псковских летописей и орденской переписки о соглашении ливонской ветви Ордена с Москвой и Псковом.

⁵⁷ LUB. Bd. 7. № 490.

⁵⁸ «...und ouch, als wir vor ofte gewegen haben, so hat doch Wytowt domete umbgegangen, das her dy Pleskower von den Leyflender hat gebrocht» (GStAPK, OBA 2479). В дате письма («Gegeben tzu Tappiow in [!] sonobende vor Invocavit») не указан год, в RHD оно было датировано 27 февраля 1417 г. – явно ошибочно, поскольку почерк характерен для несколько более раннего времени. На первые месяцы 1409 г. указывает сообщение об отправке в Литву Андрея, переводчика верховного маршала: известно, что он ездил туда в марте 1409 г., то есть как раз тогда, когда отношения с Псковом были актуальны и для Витовта, и для Ордена (GStAPK, OBA 28563; о дате см.: [Petrauskas, p. 256]). Этой датировке не противоречат палеографические данные. В результате просмотра всех посланий великого маршала первого десятилетия XV в., сохранившихся в Кёнигсбергском архиве (включая те, в которых не указан год), мне удалось выявить два написанных тем же или очень близким почерком – GStAPK, OBA 948, 28818. Первое из них составители RHD отнесли к 1 октября 1407 г., не приводя обоснования датировки; второе датируется 13 сентября 1409 г. [Józwiak, Kwiatkowski, Szweda, Szybkowski, s. 133, 135, 138]. На старой архивной обложке OBA 2479 имеется карандашная пометка архивиста и археографа Ганса Кёпена (1913–1977), относящая письмо к 1409–1410 гг. на основании филигранны. Действительно, на бумаге с подобной филигранью – головой оленя в профиль – написаны письма верховного маршала от 14 июля и 22 сентября 1409 г. (GStAPK, OBA 1095, 1151) и еще одно письмо, датированное 4 или 5 августа, по-видимому, не позднее 1409 г. (в нем говорится о переписке великого магистра с польским королем) (GStAPK, OBA 27931).

не только о том, действительно ли Ордену была чужда политика территориальной экспансии, но и о том, какие цели в своей внешней политике преследовал Витовт.

Участие литовских воинов в ливонском походе на Псков в феврале 1409 г. свидетельствует, что фактически в это время вопрос о его судьбе оставался нерешенным. Витовт не собирался отказываться от планов по подчинению Пскова, а Василий – от складывавшейся практики присылки туда князей. Если верно предположение, что к началу 1409 г. действовало литовско-псковское перемирие, то участие литовских войск в ливонском походе на Псков было попыткой пересмотреть его, а возможно, и договоренности с Василием I о его судьбе, если они были достигнуты уже на Угре. Великий князь литовский был прекрасно осведомлен о нашествии Едигея и ущербе, который оно причинило московским землям⁵⁹. Вполне вероятно, что это и заставило литовского правителя, не желавшего выпускать инициативу из рук, отправить или отпустить своих подданных в ливонский поход на Псков.

Согласно псковским летописям, псковско-ливонский мир был заключен лишь 27 или 28 июля 1409 г. под Кирьяпигой (Кирьемпе)⁶⁰. В той же статье Псковской II летописи говорится о поездке в Литву псковских послов, которые «взяша мир» с Витовтом, а Псковская III летопись уточняет, что «вечный мир» Витовта с Псковом был заключен в апреле 1409 г. (после Пасхи) «по dokonчанью» с Василием I⁶¹. Напомню, что в конце мая 1409 г. против орденской власти в очередной раз восстали жомойты, за которыми стоял великий князь литовский, а в августе Орден объявил войну Польскому королевству и Великому княжеству Литовскому.

Что ливонское отделение Ордена заключило мир не только с Псковом, но и с великим князем владимирским и московским, выясняется из другого источника – письма комтура Рагнита великому магистру Ульриху фон Юнгингену от 27 ноября 1409 г. Передавая новости от информатора, только что побывавшего в Литве, комтур писал, что «ливонский магистр заключил мир с псковитянами и москвитянами, и они приняли такое решение: кто захочет начать войну, тот должен сообщить об этом другому за четыре недели до начала военных действий, и что князь Витовт примирился со всеми русскими землями, в частности с псковитянами...»⁶² Здесь примечательны, во-первых, внимание прусского сановника к взаимоотношениям Литвы с Псковом, а во-вторых, уже достаточно укрепившиеся к этому времени связи Пскова с Московским княжеством.

Важные сведения о международной ситуации в Восточной Европе сообщает послание ливонского магистра великому магистру от 14 августа 1409 г., сохранившееся в пересказе в упоминавшейся выше вильнюсской рукописи начала XVI в. Его прочтение сопряжено с палеографическими трудностями, однако уже на нынешнем этапе исследований можно отметить наиболее важные для тематики статьи сообщения. Во-первых, в письме сообщалось о посольстве Витовта в Псков, которое заключило мир с псковичами; сопоставление с приведенным выше летописным известием позволяет полагать, что это произошло в несколько этапов. Во-вторых, ливонский магистр писал о встрече (в Пскове?) представителей Витовта,

⁵⁹ Об этом Витовт писал великому магистру 24 января 1409 г., ссылаясь на свое более раннее сообщение (СЕВ. № 391).

⁶⁰ Псковские летописи. Вып. 1. С. 33 (точная дата); Вып. 2. С. 35; НПА. С. 401; ПСРА. Т. 4. Ч. 1. С. 409. См. о его условиях: [Казакова, с. 45–46].

⁶¹ Псковские летописи. Вып. 2. С. 35. Это иногда понимается как утверждение псковско-ливонского договора московским правителем (Acten und Recesse der livländischen Ständetage. Riga, 1923. Bd. 1 / Bearb. von O. Stavenhagen und L. Arbusow jun. Lfg. 2. S. 147).

⁶² «...als gester was czu Rangnit eyn frunt von Littowen, der dem huskompthur saite vor ware mere dese nachgeschrebene czitunge, als das der meister van Lyfland eyne frede ufgenomen habe mit den von Plesko und Mosko in sulchir undirscheit, wer do welde anheben, der sal dem andern 4 wochen czuvor czusagen, ee her schaden thu, und das herczog Wytowt sich gefredet habe mit allen Rüşchin landen und sunderlich mit den von Plesko...» (Arbusow L. Zwölf Urkunden zu O. Stavenhagen: „Livland und die Schlacht bei Tannenbergh“ // Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1911. Riga, 1913. № 1).

великого князя московского и Великого Новгорода, которые договорились о совместных действиях⁶³.

На каких условиях был заключен литовско-псковский мир? Разрывая мир с Новгородом в конце 1412 г., Витовт и Ягайло заявляли: «Были есте намъ нялися: сложать ли Нѣмци намъ, и вамъ было Нѣмцом також сложити, а с нами за одно стати и закрѣпитися на обѣ сторонѣ в запасъ; а что бы то ся пригодило, а ино бы с того ничего не было». Поскольку далее говорится о выводе Лугвеня из Новгорода и заключении «вечного мира» Польши и Литвы с Тевтонским орденом (1411 г.), можно заключить, что речь шла об условиях литовско-новгородского соглашения 1409 г. «А вы слова своего забывъ, и не издержалѣ, какъ были есте намъ нялися», – заключали правители Польши и Литвы⁶⁴. Судя по всему, это было веской причиной нежелания ливонской ветви Ордена объявлять войну Литве: на соответствующее требование великого магистра Ульриха фон Юнгингена летом 1410 г. ливонский магистр Конрад фон Фитингхоф ответил отказом, ссылаясь на договор с Витовтом об объявлении войны за три месяца до начала военных действий⁶⁵. Представляется вполне вероятным, что подобная договоренность была достигнута и с Псковом. В орденском мемориале начала 1410 г. прямо говорится о союзе Витовта с Москвой и Псковом⁶⁶.

Эту аналогию можно подкрепить еще одним соображением. Возможное объявление войны ливонскому отделению Ордена Новгородом (и Псковом?) было делом будущего, более того, вопросом доброй воли их властей. Платой за заманчивую для Витовта перспективу было усиление московского влияния в обеих республиках Северо-Западной Руси. И действительно, псковские летописи лаконично сообщают о приезде «из московской руки» князя Александра Федоровича Ростовского 26 сентября 1409 г.⁶⁷ Несколько больше можно сказать о раскладе интересов в треугольнике Москва – Новгород – Литва. В письме хаускомтура Нарвы властям Ревеля, которое удается достаточно уверенно датировать 26 мая 1409 г., сообщается, что в Новгороде находится московский князь (Константин, брат Василия I, прибывший туда в феврале или марте 1408 г.), а Лугвеня, находящегося в Орешке, новгородцы «коварно преследуют... с целью изгнания»⁶⁸. Выше уже приводилось заявление Витовта, что король польский и великий князь московский давно побуждали его начать войну с немцами. Представляется вполне вероятным, что после завершившейся недавно войны с Литвой Василий I стремился переключить внимание Витовта с Северо-Западной Руси на Орден и одновременно вытеснить его ставленника Лугвеня из Новгорода, водворив там своего брата. Новгородцы же, которые как раз в мае 1409 г. урегулировали взаимоотношения с ливонским отделением Ордена и со Швецией, были заинтересованы в стабильном продолжении торговли, в том числе с ливонскими купцами, и в пересмотре ее условий в свою пользу [Казакова, с. 88–91], но никак не в войне с Орденом, в которую его пытался втянуть Витовт. В этом интересы Василия I и новгородцев сходились.

Проведенное исследование показывает, что, несмотря на уступку Пскова Тевтонскому ордену по Салинскому договору 1398 г., его подчинение оставалось одной из целей политики Витовта и в конце XIV, и в первом десятилетии XV в. Достичь этой цели великий

⁶³ LMAVB RS. F 15-73. P. 95.

⁶⁴ НПЛ. С. 403. См. также свидетельство орденского источника: [Полехов, 2019, с. 67, примеч. 34].

⁶⁵ LUB. Bd. 4. № 1839; *Arbusow L. Zwölf Urkunden zu O. Stavenhagen: „Livland und die Schlacht bei Tannenberg“*. № IV. Разумеется, ливонский магистр мог пренебречь договором с правителем, с которым воевал воевало прусское отделение Ордена, но не сделал этого. В литературе соглашение обычно датируется 1409 г., но мне представляется верной точка зрения, что оно было заключено раньше.

⁶⁶ CEV. № 437. О дате см.: [Jóźwiak, Kwiatkowski, Szweđa, Szybkowski, s. 189].

⁶⁷ Псковские летописи. Вып. 1. С. 33; Вып. 2. С. 35. См. о нем: [Городилин, 2015, с. 73–75].

⁶⁸ Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова. 1392–1409 гг. № 58 (здесь же мои соображения о датировке письма).

князь литовский пытался как военными методами, так и при помощи дипломатии. На этой почве постепенно обострялись противоречия между Великим княжеством Литовским и его союзником – Тевтонским орденом. И цели Витовта, и способы их достижения на этом направлении сохранились и после войны Польши и Литвы с Орденом 1409–1411 гг., которая справедливо считается переломным событием для Восточной Европы (ср. попытки Витовта дать псковичам наместника в 1416 г., назначение Витовта и Ягайла генеральными викариями Новгорода и Пскова в 1418 г. и поход великого князя литовского на Псков в 1426 г.). Что же касается позиции самого Пскова, то острота угрозы со стороны обоих союзников-соперников вела к тому, что уже в первой декаде XV в. он, даже поддерживая политические контакты с Литовским государством, постепенно все теснее сближался с Московским княжеством. Приведенные данные показывают, что важной вехой этого сближения были договоры ливонской ветви Ордена с Псковом и Москвой 1409 г., тексты которых до нас не дошли⁶⁹.

Литература

- Беспалов Р. А.* Литовско-московские отношения 1392–1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I // *Средневековая Русь*. М., 2016. Вып. 12. С. 129–182.
- Беспалов Р. А.* Гипотеза о появлении термина «верховский князи» в московско-литовской дипломатии // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2017. № 4 (70). С. 42–52.
- Городилин С. В.* К вопросу о брачных связях псковской элиты в первой трети XV в. // *Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Материалы 60-го заседания (22–24 апреля 2014 г.)*. М.; Псков; СПб., 2015. Вып. 30. С. 68–86.
- Городилин С. В.* «Твоя отчина мужи псковичи люди добровольные»: к вопросу о происхождении и политико-правовом контексте летописной формулы // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. М., 2019. Вып. 6. Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. С. 86–91.
- Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. 359 с.
- Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. М., 2007. 399 с.
- Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003. 366, [1] с.
- Никонов С. А.* Новые данные о средневековом Пскове XIV – начала XV века // *Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Материалы LII заседания, посвященного памяти профессора А. Р. Артемьева*. Псков, 2007. С. 148–156.
- Полехов С. В.* Литовско-русские отношения в начале XV в. в свете малоизвестных документов // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2017. № 3 (69). С. 105–106.
- Полехов С. В.* Загадка грамоты Витовта (Vitoldiana, № 11): XIV или XIX век? // *Slověne*. 2018. Т. 7. № 2. С. 451–476. DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.17
- Полехов С. В.* Лугвень, Новгород и восточная политика Витовта (1411–1414) в свете малоизвестных источников Кёнигсбергского архива // *Мсціслаў і Мсціслаўскі край. Зборнік навуковых артыкулаў*. Мінск, 2019. С. 58–78.
- Полехов С. В., Городилин С. В.* Когда князь Скиргайло купил землю во Пскове? // *Средневековая Русь*. М., 2020. Вып. 14. С. 71–96.
- Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. М., 1998. 474 с., [8] л. табл.
- Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог*. СПб., 1992. Вып. 2. 303 с.
- Салмин С. А.* Межгосударственные конфликты с участием Господина Пскова в начальный период контактов с Ганзой (кон. XIV – нач. XV в.): причины, ход, особенности // *Древности Пскова. Археология, история*. Псков, 2019. Вып. 3. С. 149–178.

⁶⁹ Таким образом, оно фиксируется раньше известной формулировки – именованя Пскова «отчиной великого князя, нашего господина, русского царя» в проекте договора с ливонским отделением Ордена 1417 г. (ГВНП. № 334), – отмеченной в литературе [Городилин, 2019, с. 89].

- Трусаў І. Заўвагі аб некаторых урбанонімах Гродна // Гарадзенскі гадавік. 2013. № 2. С. 6–12.
- Тюльпин А. Г. Политическая история Великого княжества Тверского в первой четверти XV века // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Материалы международной научной конференции, посвященной 725-летию со дня рождения Михаила Ярославича – великого князя Тверского и Владимирского (г. Тверь, 27–29 ноября 1996 г.). Тверь, 1997. С. 162–176.
- Хорошкевич А. Л. Договоры Полоцка 1405–1406 гг. как источник по истории его внешней торговли и торговой политики // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 79–87.
- Bukowski W. Jan Walach z Chmielnika. Z dziejów kariery rycerskiej w Polsce w czasach Władysława Jagiełły // Venerabiles, nobiles et honesti. Studia z dziejów społeczeństwa Polski średniowiecznej. Prace ofiarowane Profesorowi Januszowi Bieniakowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin i czterdziestopięciolecie pracy naukowej. Toruń, 1997. S. 141–152.
- Čapaitė R. List jako narzędzie komunikacji wielkiego księcia litewskiego Witolda // Studia Źródłoznawcze. 2012. T. 50. S. 41–56.
- Ekdahl S. Moscow Troops in the Wars of Poland and Lithuania with the Teutonic Order in Prussia in 1414 and 1422: Two Timeline Questions // Quaestiones Mediaevi Novae. 2020. Vol. 25. P. 181–192.
- Fisch J. Krieg und Frieden im Friedensvertrag. Eine universalgeschichtliche Studie über Grundlagen und Formelemente des Friedensschlusses. Stuttgart, 1979. (Sprache und Geschichte. Bd. 3). XXXVI, 866 S.
- Gąsiorowski A. Itinerarium króla Władysława Jagiełły, 1386–1434. Warszawa, 2015. (Itineraria Jagiellonów. T. 2). 121, [1] s.
- Goetz J. Verbunden mit der Marienburg. Livländischer und preußischer Deutschordenszweig bis zum Ausbruch des Zungenstreits 1438 // Livland – eine Region am Ende der Welt? Forschungen zum Verhältnis zwischen Zentrum und Peripherie im späten Mittelalter / Hg. von A. Selart und M. Thumser. Köln; Weimar; Wien, 2017. (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd. 27). S. 371–414.
- Halecki O. Rec.: Elementa ad fontium editiones // Teki Historyczne. Londyn, 1960–1961. T. 11. S. 267–272.
- Jóźwiak S. Wywiad i kontrwywiad w państwie zakonu krzyżackiego w Prusach. Malbork, 2004. 265, [1] s.
- Jóźwiak S., Kwiatkowski K., Szweda A., Szybkowski S. Wojna Polski i Litwy z Zakonem Krzyżackim w latach 1409–1411. Malbork, 2010. 846 s.
- Kaczyńska B. Wokabularz trydencki jako przykład leksykografii średniowiecznej // Studia Źródłoznawcze. 2019. T. 57. S. 47–97.
- Kostrzak J. Stanowisko inflanckich władz zakonnych wobec wojen polsko-krzyżackich w latach 1409–1422. Cz. 1 // Zapiski Historyczne. 1974. T. 39. Zesz. 4. S. 7–27.
- Kubon S. Die Außenpolitik des Deutschen Ordens unter Hochmeister Konrad von Jungingen (1393–1407). Göttingen, 2016. (Nova Mediaevalia. Quellen und Studien zum europäischen Mittelalter. Bd. 15). 367 S.
- Kwiatkowski K. Neue Quellen aus dem Kreis des Deutschen Ordens zum Krieg von 1409–1411 (Teil 1) // Zapiski Historyczne. 2010. T. 75. Zesz. 4. S. 67–112.
- Kwiatkowski K. Eine Sammlung von Quellenregesten und Quellenabschriften aus dem Kreis des Deutschen Ordens (1. Hälfte des 16. Jh.). Inhaltsübersicht und Editions Perspektiven // Editions wissenschaftliches Kolloquium 2015: Die Geschichte im Bild / Hg. von H. Flachenecker, K. Kopiński und J. Tandecki. Toruń, 2016. (Publikationen des Deutsch-Polnischen Gesprächskreises für Quellenedition. Bd. 8). S. 343–354.
- Larczyńska A. Prawdziwe czy zmyślone? Źródła epistolarne i dokumentowe w formularzu księcia mazowieckiego Aleksandra. Próba rekonesansu badawczego // Studia z Dziejów Średniowiecza. Warszawa, 2014. Nr 18. S. 141–155.
- Łowmiański H. Uwagi w sprawie podłoża społecznego i gospodarczego unii jagiellońskiej // Łowmiański H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983. (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Ser. Historia. № 108). S. 365–454.
- Neitmann K. Zur Revindikationspolitik des Deutschen Ordens nach Tannenberg. Die Auseinandersetzung zwischen dem Deutschen Orden und Polen-Litauen um die Ratifizierung des Friedensvertrages vom Melno-See 1422/23 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1983. Bd. 31. S. 50–80.
- Neitmann K. Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen 1230–1449. Studien zur Diplomatie eines spätmittelalterlichen Territorialstaates. Köln; Wien, 1986. (Neue Forschungen zur Brandenburg-Preussischen Geschichte. Bd. 6). XI, 692 S.
- Nikodem J. Witold, wielki książę litewski (1354 lub 1355 – 27 października 1430 roku). Kraków, 2013. 511 s.

- Nowak P. Dokumenty pokoju w Raciążku z 1404 roku // *Studia Źródłoznawcze*. 2002. T. 40. S. 57–77.
- Nowak Z. H. Międzynarodowe procesy polubowne jako narzędzie polityki Zygmunta Luksemburskiego w północnej i środkowowschodniej Europie (1412–1424). Toruń, 1981. 199, [1] s.
- Petersohn J. Rec.: „Liber disparata antiqua continens“ Alexandro Masoviensi episcopo Tridentino dicatus, praesentat Dr. Edmundus Winkler. Institutum Historicum Polonicum Romae. Elementa ad fontium editiones II. Romae 1960 // *Zeitschrift für Ostforschung*. 1961. H. 1. S. 179–180.
- Petrauskas R. Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: sudėtis – struktūra – valdžia. Vilnius, 2003. 379 p.
- Polechov S. Eine Litauische alternative für die ganze Rus'? Die Ostpolitik der litauischen Herrscher im ausgehenden Mittelalter: Ansprüche und Wirklichkeit // *Studia historica Brunensia*. 2019. № 2. S. 45–62. DOI: 10.5817/SHB2019-2-4
- Polechow S. Itinerarium Witolda, wielkiego księcia litewskiego: 4/5 VIII 1392 – 27 X 1430 // *Rocznik Lituaniistyczny*. 2019. T. 5. S. 9–120. DOI: 10.12775/RL.2019.5.01
- Sarnowsky J. Ein Schuldbuch der Komture von Brandenburg aus dem Anfang des 15. Jahrhunderts // *Prusy – Polska – Europa. Studia z dziejów średniowiecza i czasów wczesnonowożytnych. Prace ofiarowane Profesorowi Zenonowi Hubertowi Nowakowi w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin i czterdziestolecie pracy naukowej*. Toruń, 1999. S. 249–275.
- Szweda A. Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454. Toruń, 2009. 465 s.
- Szweda D. Itinerary of the Grand Master Ulrich von Jungingen (1407–1410) // *War in History. The History of Polish and General Military Science*. Lublin, 2017. (Homo Militans. Vol. 6). S. 39–63.
- Szweda A. Rec.: Sebastian Kubon. Die Außenpolitik des Deutschen Ordens unter Hochmeister Konrad von Jungingen (1393–1407) [The Teutonic Order's Foreign Policy under Grand Master Konrad von Jungingen (1393–1407)]. *Nova Mediaevalia. Quellen und Studien zum europäischen Mittelalter 15*. Göttingen: V&R unipress, 2016. 367 pp. ISBN: 978-3-8471-0537-4 // *Ordines Militares. Colloquia Torunensia Historica. Yearbook for the Study of the Military Orders*. Toruń, 2018. Vol. 23. P. 384–391.
- Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań; Wrocław, 1999. (Biblioteka genealogiczna. T. 2). 319, [1] s.

References

- Bespalov, R. A. Litovsko-moskovskie otnosheniya 1392–1408 godov v svyazi so smolenskoj, chernigovskoj i ryzanskoj politikoi Vitovta i Vasiliya I [Lithuanian-Moscow Relations of 1392–1408 in connection with the Smolensk, Chernihiv and Ryazan Policies of Vytautas and Vasily I]. In *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, 2016. Issue 12. Pp. 129–182.
- Bespalov, R. A. Gipoteza o poyavlenii termina “verkhovskii knyazi” v moskovsko-litovskoi diplomatii [The Hypothesis about the Emergence of the Term “Verkhovskii Knyazi” (Princes of the Upriver Lands) in the Moscow-Lithuanian Diplomacy]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017. No. 4 (70). Pp. 42–52.
- Bukowski, W. Jan Wałach z Chmielnika. Z dziejów kariery rycerskiej w Polsce w czasach Władysława Jagiełły. In *Venerabiles, nobiles et honesti. Studia z dziejów społeczeństwa Polski średniowiecznej. Prace ofiarowane Profesorowi Januszowi Bieniakowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin i czterdziestopięciolecie pracy naukowej*. Toruń, 1997. S. 141–152.
- Čapaitė, R. List jako narzędzie komunikacji wielkiego księcia litewskiego Witolda. In *Studia Źródłoznawcze*. 2012. T. 50. S. 41–56.
- Ekdahl, S. Moscow Troops in the Wars of Poland and Lithuania with the Teutonic Order in Prussia in 1414 and 1422: Two Timeline Questions. In *Quaestiones Medii Aevi Novae*. 2020. Vol. 25. P. 181–192.
- Fisch, J. Krieg und Frieden im Friedensvertrag. Eine universalgeschichtliche Studie über Grundlagen und Formelemente des Friedensschlusses. Stuttgart, 1979. (Sprache und Geschichte. Bd. 3). XXXVI, 866 S.
- Gąsiorowski, A. Itinerarium króla Władysława Jagiełły, 1386–1434. Warszawa, 2015. (Itineraria Jagiellonów. T. 2). 121, [1] s.
- Gorodilin, S. V. K voprosu o brachnykh svyazyakh pskovskoi elity v pervoi treti XV v. [On the Question of Marital Relations of the Pskov Elite in the First Third of the 15th Century]. In *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli. Seminar im. akademika V. V. Sedova. Materialy 60-go zasedaniya (22–24 aprelya 2014 g.)*. Moscow; Pskov; Saint Petersburg, 2015. Issue 30. Pp. 68–86.

- Gorodilin, S. V. "Tvoya otchina muzhi pskovichi lyudi dobrovol'nye": k voprosu o proiskhozhdenii i politiko-pravovom kontekste letopisnoi formuly ["Your Fatherland Pskov Men are Voluntary People": On the Question of the Origin and Political and Legal Context of the Chronicle Formula]. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya*. Moscow, 2019. Issue 6. Shestye chteniya pamyati akademika RAN L. V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 21–22 noyabrya 2019 g. Pp. 86–91.
- Götz, J. Verbunden mit der Marienburg. Livländischer und preußischer Deutschordenszweig bis zum Ausbruch des Zungenstreits 1438. In *Livland – eine Region am Ende der Welt? Forschungen zum Verhältnis zwischen Zentrum und Peripherie im späten Mittelalter*. Hg. von A. Selart und M. Thumser. Köln; Weimar; Wien, 2017. (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd. 27). S. 371–414.
- Halecki, O. Rec.: Elementa ad fontium editiones. In *Teki Historyczne*. Londyn, 1960–1961. T. 11. S. 267–272.
- Jóźwiak, S. Wywiad i kontrwywiad w państwie zakonu krzyżackiego w Prusach. Malbork, 2004. 265, [1] s.
- Jóźwiak, S., Kwiatkowski, K., Szweda, A., Szybkowski, S. Wojna Polski i Litwy z Zakonem Krzyżackim w latach 1409–1411. Malbork, 2010. 846 s.
- Kaczyńska, B. Wokabularz trydencki jako przykład leksykografii średniowiecznej. In *Studia Źródłoznawcze*. 2019. T. 57. S. 47–97.
- Kazakova, N. A. Russko-livonskie i russko-ganzeiskie otnosheniya. Konets XIV – nachalo XVI v. [Russian-Livonian and Russian-Hanseatic Relations. End of the 14th – the Beginning of the 16th Century]. Leningrad, 1975. 359 p.
- Khoroshkevich, A. L. Dogovory Polotska 1405–1406 gg. kak istochnik po istorii ego vneshnei trgovli i trgovoi politiki [The Treaties of Polotsk of 1405–1406 as a Source on the History of Its Foreign Trade and Trade Policy]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1962 god*. Moscow, 1963. Pp. 79–87.
- Konyavskaya, E. L. Ocherki po istorii tverskoi literatury XIV–XV vv. [Essays on the History of Tver Literature of the 14th – 15th Centuries]. Moscow, 2007. 399 p.
- Kostrzak, J. Stanowisko inflanckich władz zakonnych wobec wojen polsko-krzyżackich w latach 1409–1422. Cz. 1. In *Zapiski Historyczne*. 1974. T. 39. Zesz. 4. S. 7–27.
- Kubon, S. Die Außenpolitik des Deutschen Ordens unter Hochmeister Konrad von Jungingen (1393–1407). Göttingen, 2016. (Nova Mediaevalia. Quellen und Studien zum europäischen Mittelalter. Bd. 15). 367 S.
- Kuchkin, V. A. Dogovornye gramoty moskovskikh knyazei XIV veka. Vneshnepolitieskie dogovory [Treaty Acts of the Moscow Princes of the 14th Century. Foreign Policy Treaties]. Moscow, 2003. 366, [1] p.
- Kwiatkowski, K. Neue Quellen aus dem Kreis des Deutschen Ordens zum Krieg von 1409–1411 (Teil 1). In *Zapiski Historyczne*. 2010. T. 75. Zesz. 4. S. 67–112.
- Kwiatkowski, K. Eine Sammlung von Quellenregesten und Quellenabschriften aus dem Kreis des Deutschen Ordens (1. Hälfte des 16. Jh.). Inhaltsübersicht und Editions Perspektiven. In *Editionswissenschaftliches Kolloquium 2015: Die Geschichte im Bild*. Hg. von H. Flachenecker, K. Kopiński und J. Tandecki. Toruń, 2016. (Publikationen des Deutsch-Polnischen Gesprächskreises für Quellenedition. Bd. 8). S. 343–354.
- Larczyńska, A. Prawdziwe czy zmyślone? Źródła epistolarne i dokumentowe w formularzu księcia mazowieckiego Aleksandra. Próba rekonesansu badawczego. In *Studia z Dziejów Średniowiecza*. Warszawa, 2014. Nr 18. S. 141–155.
- Łowmiański, H. Uwagi w sprawie podłoża społecznego i gospodarczego unii jagiellońskiej. In *Łowmiański, H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego*. Poznań, 1983. (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Ser. Historia. № 108). S. 365–454.
- Neitmann, K. Zur Revindikationspolitik des Deutschen Ordens nach Tannenberg. Die Auseinandersetzung zwischen dem Deutschen Orden und Polen-Litauen um die Ratifizierung des Friedensvertrages vom Melno-See 1422/23. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1983. Bd. 31. S. 50–80.
- Neitmann, K. Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen 1230–1449. Studien zur Diplomatie eines spätmittelalterlichen Territorialstaates. Köln; Wien, 1986. (Neue Forschungen zur Brandenburg-Preussischen Geschichte. Bd. 6). XI, 692 S.
- Nikodem, J. Witold, wielki książę litewski (1354 lub 1355 – 27 października 1430 roku). Kraków, 2013. 511 s.
- Nikonov, S. A. Novye dannye o srednevekovom Pskove XIV – nachala XV veka [New Data on Medieval Pskov of the 14th – the Beginning of the 15th Century]. In *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli. Seminar im. akademika V. V. Sedova. Materialy LII zasedaniya, posvyashchennogo pamyati professora A. R. Artem'eva*. Pskov, 2007. Pp. 148–156.

- Nowak, P. Dokumenty pokoju w Raciążku z 1404 roku. In *Studia Źródłoznawcze*. 2002. T. 40. S. 57–77.
- Nowak, Z. H. Międzynarodowe procesy polubowne jako narzędzie polityki Zygmunta Luksemburskiego w północnej i środkowowschodniej Europie (1412–1424). Toruń, 1981. 199, [1] s.
- Petersohn, J. Rec.: „Liber disparata antiqua continens“ Alexandro Masoviensi episcopo Tridentino dicatus, praesentat Dr. Edmundus Winkler. Institutum Historicum Polonicum Romae. Elementa ad fontium editiones II. Romae 1960. In *Zeitschrift für Ostforschung*. 1961. H. 1. S. 179–180.
- Petrauskas, R. Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: sudėtis – struktūra – valdžia. Vilnius, 2003. 379 p.
- Polechov, S. Eine Litauische alternative für die ganze Rus'? Die Ostpolitik der litauischen Herrscher im ausgehenden Mittelalter: Ansprüche und Wirklichkeit. In *Studia historica Brunensia*. 2019. № 2. S. 45–62. DOI: 10.5817/SHB2019-2-4
- Polekhov, S. V. Litovsko-russkie otnosheniya v nachale XV v. v svete maloizvestnykh dokumentov [Lithuanian-Russian Relations at the Beginning of the 15th Century in the light of Little-known Documents]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017. No. 3 (69). Pp. 105–106.
- Polekhov, S. V. Zagadka gramoty Vitovta (Vitoldiana, № 11): XIV ili XIX vek? [The Puzzle of Vytautas' Charter (Vitoldiana, No. 11): 14th or the 19th Century?]. In *Slověne*. 2018. Vol. 7. No. 2. Pp. 451–476. DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.17
- Polekhov, S. V. Lugven', Novgorod i vostochnaya politika Vitovta (1411–1414) v svete maloizvestnykh istochnikov Kenigsbergskogo arkhiva [Lengvenis, Novgorod and Vytautas' Eastern Policy (1411–1414) in the light of Little-known Sources of the Königsberg Archive]. In *Mstsislau i Mstsislauski krai. Zbornik navukovykh artykulau*. Minsk, 2019. Pp. 58–78.
- Polekhov, S. V., Gorodilin, S. V. Kogda knyaz' Skirgailo kupil zemlyu vo Pskove? [When did Prince Skirgailo Buy Land in Pskov?]. In *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, 2020. Issue 14. Pp. 71–96.
- Polechow, S. Itinerarium Witolda, wielkiego księcia litewskiego: 4/5 VIII 1392 – 27 X 1430. In *Rocznik Lituanistyczny*. 2019. T. 5. S. 9–120. DOI: 10.12775/RL.2019.5.01
- Presnyakov, A. E. Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva [Formation of the Great Russian State]. Moscow, 1998. 474 p., [8] l. of tabl.
- Rukopisnye knigi sobraniya M. P. Pogodina. Katalog [Handwritten Books of M. P. Pogodin's Collection. Catalog]. Saint Petersburg, 1992. Issue 2. 303 p.
- Salmin, S. A. Mezhgosudarstvennye konflikty s uchastiem Gospodina Pskova v nachal'nyi period kontaktov s Ganzoi (kon. XIV – nach. XV v.): prichiny, khod, osobennosti [Interstate Conflicts Involving Gospodin Pskov in the Initial Period of Contacts with the Hansa (End of the 14th – the Beginning of the 15th Century): Causes, Course, Features]. In *Drevnosti Pskova. Arkheologiya, istoriya*. Pskov, 2019. Issue 3. Pp. 149–178.
- Sarnowsky, J. Ein Schuldbuch der Komture von Brandenburg aus dem Anfang des 15. Jahrhunderts. In *Prusy – Polska – Europa. Studia z dziejów średniowiecza i czasów wczesnonowożytnych. Prace ofiarowane Profesorowi Zenonowi Hubertowi Nowakowi w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin i czterdziestolecie pracy naukowej*. Toruń, 1999. S. 249–275.
- Szweda, A. Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454. Toruń, 2009. 465 s.
- Szweda, D. Itinerary of the Grand Master Ulrich von Jungingen (1407–1410). In *War in History. The History of Polish and General Military Science*. Lublin, 2017. (Homo Militans. Vol. 6). S. 39–63.
- Szweda, A. Rec.: Sebastian Kubon. Die Außenpolitik des Deutschen Ordens unter Hochmeister Konrad von Jungingen (1393–1407) [The Teutonic Order's Foreign Policy under Grand Master Konrad von Jungingen (1393–1407)]. *Nova Mediaevalia. Quellen und Studien zum europäischen Mittelalter 15*. Göttingen: V&R unipress, 2016. 367 pp. ISBN: 978-3-8471-0537-4. In *Ordines Militares. Colloquia Torunensia Historica. Yearbook for the Study of the Military Orders*. Toruń, 2018. Vol. 23. P. 384–391.
- Tęgowski, J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań; Wrocław, 1999. (Biblioteka genealogiczna. T. 2). 319, [1] s.
- Trusaŭ, I. Zauvagi ab nekatorykh urbanonimakh Grodna [Remarks on Some Urbanonyms of Grodno]. In *Garadzenski gadavik*. Grodna, 2013. No. 2. Pp. 6–12.
- Tyul'pin, A. G. Politicheskaya istoriya Velikogo knyazhestva Tverskogo v pervoi chetverti XV veka [Political History of the Grand Duchy of Tver in the First Quarter of the 15th Century]. In *Mikhail Tverskoi: lichnost'*,

epokha, nasledie. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 725-letiyu so dnya rozhdeniya Mikhaila Yaroslavicha – velikogo knyazya Tverskogo i Vladimirskogo (g. Tver', 27–29 noyabrya 1996 g.). Tver, 1997. Pp. 162–176.

Sergey V. Polekhov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

PSKOV IN THE FOREIGN POLICY OF GRAND DUKE VYTAUTAS OF LITHUANIA
IN THE FIRST DECADE OF THE 15TH CENTURY

The article is devoted to the relations between Grand Duke Vytautas of Lithuania and the Republic of Pskov in 1398–1409. It is shown that, despite the cession of Pskov as a sphere of interest to the Teutonic Order according to the treaty of Salin in 1398, Vytautas kept trying to subdue Pskov in the first decade of the 15th century. As a result, the tensions between the Grand Duchy of Lithuania and its ally, the Teutonic Order, were gradually becoming more and more acute. Moreover, Vytautas was interested in Pskov after the war with the Teutonic Order of 1409–1411. In turn, it led to the increasing rapprochement between Pskov and the Grand Duchy of Moscow, starting at the end of the 14th century.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Vytautas, international relations, Pskov